Ганс Христиан Андерсен

Всяк знай своё место!

Тому минуло уж больше ста лет.
За лесом у большого озера стояла старая барская усадьба; кругом шли глубокие рвы с водой, поросшие осокой и тростником. Возле мостика, перекинутого через ров перед главными воротами, росла старая ива, склонявшаяся ветвями к тростнику.
С дороги послышались звуки рогов и лошадиный топот, и маленькая пастушка поторопилась отогнать своих гусей с мостика в сторону. Охотники скакали во весь опор, и самой девочке пришлось поскорее прыгнуть с мостика на большой камень возле рва — не то бы ей несдобровать! Она была совсем ещё ребенок, такая тоненькая и худенькая, с милым, добрым выражением лица и честными, ясными глазками. Но барину-то что за дело? На уме у него были одни грубые шутки, и вот, проносясь мимо девочки, он повернул хлыст рукояткой вперед и ткнул им пастушку прямо в грудь. Девочка чуть не упала.
— Всяк знай своё место! Твоё — в грязи! — прокричал барин и захохотал. Как же! Ему ведь удалось сострить! За ним захохотали и остальные; затем всё общество с криком и гиканьем понеслось по мостику; собаки так и заливались. Вот уж подлинно, что «богатая птица шумно бьёт крылами!»
Богат ли был барин, однако, ещё вопрос.
Бедная пастушка, теряя равновесие, ухватилась за ветку ивы и, держась за неё, повисла над тиною. Когда же господа и собаки скрылись за воротами усадьбы, она попробовала было вскарабкаться на мостик, но ветка вдруг обломилась у самого ствола, и девочка упала в тростник. Хорошо, что её в ту же минуту схватила чья-то сильная рука. По полю проходил коробейник; он видел всё и поспешил девочке на помощь.
— Всяк знай своё место! — пошутил он, передразнивая барина, и вытащил девочку на сушу. Отломанную ветку он тоже попробовал поставить на своё место, но не всегда-то ведь поговорка оправдывается! Пришлось воткнуть ветку прямо в рыхлую землю. — Расти, как сможешь, и пусть из тебя выйдет хорошая дудка для этих господ!
При этом он от души пожелал, чтобы на ней сыграли когда-нибудь для барина и всей его свиты хороший шпицрутенмарш. Затем коробейник направился в усадьбу, но не в парадную залу — куда такой мелкой сошке лезть в залы, — а в людскую. Слуги обступили его и стали рассматривать товары, а наверху, в зале, шёл пир горой. Гости вздумали петь и подняли страшный рев и крик: лучше они петь не умели! Хохот, крики и собачий вой оглашали дом; вино и старое пиво пенилось в стаканах и кружках. Любимые собаки тоже участвовали в трапезе, и то один, то другой из молодых господ целовал их прямо в морду, предварительно обтерев её длинными, обвислыми ушами собаки. Коробейника тоже призвали в залу, но только ради потехи. Вино бросилось им в голову, а рассудок, конечно, и вон сейчас! Они налили коробейнику пива в чулок, — выпьешь, мол, и из чулка, торопись только! То-то хитро придумали! Было над чем зубоскалить! Целые стада, целые деревни вместе с крестьянами ставились на карту и проигрывались.
— Всяк знай своё место! — сказал коробейник, выбравшись из этого Содома и Гоморры, как он назвал усадьбу. — Моё место — путь-дорога, а в усадьбе мне совсем не по себе!
Маленькая пастушка ласково кивнула ему на прощанье из-за плетня.
Дни шли за днями, недели за неделями; сломанная ветка, посаженная коробейником у самого рва, не только не засохла и не пожелтела, но даже пустила свежие побеги; пастушка глядела на неё да радовалась: теперь у неё завелось как будто своё собственное дерево.
Да, ветка-то всё росла и зеленела, а вот в господской усадьбе дела шли всё хуже и хуже: кутежи и карты до добра не доводят.

Не прошло и шести лет, как барин пошел с сумою, а усадьбу купил богатый коробейник, тот самый, над которым господа потешались, наливая ему пива в чулок. Честность и трудолюбие хоть кого поставят на ноги, и вот коробейник сделался хозяином усадьбы, и с того же часа карты были изгнаны из неё навсегда.
— От них добра не жди! — говорил хозяин. — Выдумал их сам чёрт: увидал Библию, ну и давай подражать на свой лад!

Новый хозяин усадьбы женился, и на ком же? На бывшей пастушке! Она всегда отличалась добронравием, благочестием и сердечностью, а как нарядилась в новые платья, так стала ни дать ни взять красавицей барышней! Как же, однако, все это случилось? Ну, об этом больно долго рассказывать, а в наш недосужий век, известно, все торопятся! Случилось так, ну и всё, а дальше-то вот пойдет самое важное.
Славно жилось в старой усадьбе; хозяйка сама вела всё домашнее хозяйство, а хозяин заправлял всеми делами; благосостояние их всё росло; недаром говорится, что деньга родит деньгу. Старый дом подновили, выкрасили, рвы очистили, всюду насадили плодовых деревьев, и усадьба выглядела как игрушечка. Пол в комнатах так и блестел; в большой зале собирались зимними вечерами все служанки и вместе с хозяйкой пряли шерсть и лён; по воскресным же вечерам юстиц-советник читал им из Библии. Да, да, бывший коробейник стал юстиц-советником, — правда, только на старости лет, но и то хорошо! Были у них и дети; дети подрастали, учились, но не у всех были одинаковые способности, — так оно бывает ведь и во всех семьях.
Ветка же стала славным деревцом; оно росло на свободе, его не подстригали, не подвязывали.
— Это наше родовое дерево! — говорили старики и внушали всем детям, даже тем, которые не отличались особенными способностями, чтить и уважать его.
И вот с тех пор прошло сто лет.
Дело было уже в наше время. Озеро стало болотом, а старой усадьбы и вовсе как не бывало; виднелись только какие-то канавки с грязной водой да с камнями по краям — остатки прежних глубоких рвов. Зато старое родовое дерево красовалось по-прежнему. Вот что значит дать дереву расти на свободе! Правда, оно треснуло от самых корней до вершины, слегка покривилось от бурь, но стояло всё ещё крепко; из всех его трещин и щелей, куда ветер занес разные семена, тянулись к свету травы и цветы. Особенно густо росли они там, где ствол раздваивался. Тут образовался точно висячий садик: из середины дупла росли малиновый куст, мокричник и даже небольшая стройная рябинка. Старая ива отражалась в черной воде канавки, когда ветер отгонял зелёную ряску к другому краю. Мимо дерева вилась тропинка, уходившая в хлебное поле.
У самого же леса, на высоком холме, откуда открывался чудный вид на окрестность, стоял новый роскошный дом. Окна были зеркальные, такие чистые и прозрачные, что стёкол словно и не было вовсе. Широкий подъезд казался настоящею беседкой из роз и плюща. Лужайка перед домом зеленела так ярко, точно каждую былинку охорашивали и утром и вечером. Залы увешаны были дорогими картинами, уставлены обитыми бархатом и шёлком стульями и диванами, которые только что не катались на колесиках сами. У стен стояли столы с мраморными досками, заваленные альбомами в сафьяновых переплётах и с золотыми обрезами... Да, богатые, видно, тут жили люди! Богатые и знатные — это было семейство барона.
И всё в доме было подобрано одно к одному. “Всяк знай своё место”, — говорили владельцы, и вот картины, висевшие когда-то в старой усадьбе на почётном месте, были вынесены в коридор, что вел в людскую. Все они считались старым хламом, в особенности же два старинных портрета. На одном был изображен мужчина в красном кафтане и в парике, на другом — дама с напудренными, высоко взбитыми волосами, с розою в руках. Оба были окружены венками из ветвей ивы.

Портреты были во многих местах продырявлены. Маленькие баронЧики стреляли в них из луков, как в мишень. А на портретах-то были нарисованы сам юстиц-советник и советница, родоначальница баронской семьи.
— Ну, они вовсе не из нашего рода! — сказал один из баронЧиков. — Он был коробейником, а она пасла гусей! Это совсем не то, что papa и maman .
Портреты, как сказано, считались хламом, а так как “всяк знай своё место”, то прабабушку и прадедушку и выставили в коридор.
Домашним учителем в семье был сын пастора. Раз как-то он отправился на прогулку с маленькими баронЧиками и их старшею сестрой, которая только недавно конфирмовалась. Они шли по тропинке мимо старой ивы; молодая баронесса составляла букет из полевых цветов. Правило “всяк знай своё место” соблюдалось и тут, и в результате вышел прекрасный букет. В то же время она внимательно прислушивалась к рассказам пасторского сына, а он рассказывал о чудесных силах природы, о великих исторических деятелях, о героях и героинях. Баронесса была здоровою, богато одарённою натурой, с благородною душой и сердцем, способным понять и оценить всякое живое создание.
Возле старой ивы они остановились — младшему баронЧнку захотелось дудочку; ему не раз вырезали их из ветвей других ив, и пасторский сын отломил ветку.
— Ах, не надо! — сказала молодая баронесса, но дело было уже сделано. — Ведь это же наше знаменитое родовое дерево! Я так люблю его, хоть надо мною и смеются дома! Об этом дереве рассказывают...
И она рассказала всё, что мы уже знаем о старой усадьбе и о первой встрече пастушки и коробейника, родоначальников знатного баронского рода и самой .молодой баронессы.
— Славные, честные старички не гнались за дворянством! — сказала она. — У них была поговорка: “Всяк знай своё место”, а им казалось, что они не будут на своём, если купят себе дворянство за деньги. Сын же их, мой дедушка, сделался бароном. Говорят, он был такой ученый и в большой чести у принцев и принцесс; его постоянно приглашали на все придворные празднества. Его у нас дома особенно любят, я же, сама не знаю почему, больше симпатизирую двум старичкам. Могу себе представить их уютную патриархальную жизнь: хозяйка сидит и прядёт вместе со своими служанками, а старик хозяин читает вслух Библию!
— Да, славные, достойные были люди! — сказал пасторский сын.
Завязался разговор о дворянстве и о мещанстве, и, слушая пасторского сына, право, можно было подумать, что сам он не из мещан.
— Большое счастье принадлежать к славному роду — тогда сама кровь твоя как бы пришпоривает тебя, подгоняет делать одно хорошее. Большое счастье носить благородное родовое имя — это входной билет в лучшие семьи! Дворянство свидетельствует о благородстве крови; это чеканка на золотой монете, означающая её достоинство. Но теперь ведь в моде, и ей следуют даже многие поэты, считать всё дворянство дурным и глупым, а в людях низших классов открывать тем более высокие качества, чем ниже их место в обществе. Я другого мнения и нахожу такую точку зрения ложною. У людей высших сословий можно подметить много поразительно прекрасных черт характера. Мать моя рассказывала мне про это целую историю, и я сам могу привести их много. Мать была раз в гостях в одном знатном доме — бабушка моя, если не ошибаюсь, выкормила госпожу этого дома. Мать стояла в комнате, разговаривая со старым высокородным господином, и вдруг он увидел, что по двору ковыляет на костылях бедная старуха, которая приходила к нему по воскресеньям за милостыней. “Бедняга! — сказал он. — Ей так трудно взбираться сюда!” И прежде чем мать успела оглянуться, он был уже за дверями и спустился по лестнице. Семидесятилетний старик генерал сам спустился во двор, чтобы избавить бедную женщину от

труда подниматься за милостыней! Это только мелкая черта, но она шла прямо от сердца, из глубины человеческой души, и вот на неё-то должен был указать поэт, в наше-то время и следовало бы воспеть её! Это принесло бы пользу, умиротворило и смягчило бы сердца! Если же какое-нибудь подобие человека считает себя вправе — только потому, что на нём, как на кровной арабской лошади, имеется тавро, становиться на дыбы и ржать на улице, а входя в гостиную после мещанина, говорить: “Здесь пахнет человеком с улицы!” — то приходится признать, что в лице его дворянство пришло к разложению, стало лишь маской, вроде той, что употреблял Феспис (Феспис и вся его труппа вымазывали себе лицо гущей - Примеч. перев.). Над такою фигурой остаётся только посмеяться, хлестнуть её хорошенько бичом сатиры!

Вот какую речь держал пасторский сын; длинновата она была, да зато он успел в это время вырезать дудку.

В баронском доме собралось большое общество, наехали гости из окрестностей и из столицы; было тут и много дам — одетых со вкусом и без вкуса. Большая зала была полна народа. Священники из окрестных приходов сбились в кучу в один угол. Можно было подумать, что люди собрались сюда на похороны, а на самом-то деле — на праздник, только гости ещё не разошлись как следует. Предполагалось устроить большой концерт, и маленький барончик тоже вышел со своею дудкой, но ни он, ни даже сам рара не сумели извлечь из неё звука, — значит, она никуда не годилась! Начались музыка и пение того рода, что больше всего нравятся самим исполнителям. Вообще же всё было очень мило.

— А вы, говорят, виртуоз! — сказал один кавалер, папенькин и маменькин сынок. — Вы играете на дудке и даже сами вырезали её. Вот это истинный гений! Помилуйте! Я вполне следую за веком; так ведь и должно! Не правда ли, вы доставите нам высокое наслаждение своею игрой?

И он протянул пасторскому сыну дудку, вырезанную из ветви старой ивы, и громко провозгласил, что домашний учитель сыграет соло на дудке.

Разумеется, над учителем только хотели посмеяться, и молодой человек отнекивался, как мог, хотя и умел играть. Но все ужасно пристали к нему, и вот он взял дудку и поднес её ко рту.

Вот это была дудка так дудка! Она издала звук, протяжный и резкий, точно свисток паровоза, даже ещё резче; он разнесся по всему двору, саду и лесу, прокатился эхом на много миль кругом, а вслед за ним пролетел бурный вихрь. Вихрь свистел: “Всяк знай своё место!” И вот рара , словно на крыльях ветра, перелетел двор и угодил прямо в пастуший шалаш, пастух же перелетел не в залу, там ему было не место, — но в людскую, в круг разодетых лакеев, щеголявших в шёлковых чулках. Гордых лакеев чуть не хватил паралич от такой неожиданности. Как? Такое ничтожество — и вдруг смеет садиться за стол рядом с ними!

Молодая баронесса между тем была перенесена вихрем на почётное место, во главе стола, которого она была вполне достойна, а пасторский сын очутился возле неё, и вот они сидели рядом, словно жених с невестою! Старый граф, принадлежавший к одной из древнейших фамилий, не был смещен со своего почетного места, — дудка была справедлива, да ведь иначе и нельзя.

Остроумный же кавалер, маменькин и папенькин сынок, полетел вверх ногами в курятник, да и не он один.

За целую милю слышен был этот звук, и вихрь успел наделать бед. Один богатый глава торгового дома, ехавший на четвёрке лошадей, тоже был подхвачен вихрем, вылетел из экипажа и не мог потом попасть даже на запятки, а два богатых крестьянина, из тех, что разбогатели на наших глазах, угодили прямо в тину. Да, преопасная была дудка! Хорошо, что она дала трещину при первом же звуке, и её спрятали в карман — “всяк знай своё место”.

На другой день о происшествии не было и помину, оттого и создалась поговорка: “Спрятать дудку в карман”. Всё опять пришло в порядок, только два старых портрета, коробейника и пастушки,

висели уже в парадной зале; вихрь перенес их туда, а один из настоящих знатоков искусства сказал, что они написаны рукой великого мастера: вот их и оставили там и даже подновили. А то прежде и не знали, что они чего-нибудь стоят, — где ж было знать это! Таким образом, они все-таки попали на почетное место: “всяк знай своё место!” И так оно в конце концов всегда и бывает, — вечность ведь длинна, куда длиннее этой истории!